
Обретение «дома»? Дифференциация внутри миграционного потока как фактор, определяющий формирование идентичности мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России

Л.Е. БЛЯХЕР*, Э.О. ЛЕОНТЬЕВА**

***Леонид Ефимович Бляхер** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия, leonid743342@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-9395>

****Эльвира Октавьевна Леонтьева** – доктор социологических наук, директор, Высшая школа международных исследований и дипломатии, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия, elvira.leontyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-0667-5497>

Цитирование: Бляхер Л.Е., Леонтьева Э.О. (2023) Обретение «дома»? Дифференциация внутри миграционного потока как фактор, определяющий формирование идентичности мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России // Мир России. Т. 32. № 4. С. 71–95. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-71-95

Аннотация

В статье предпринимается попытка проанализировать проблему миграции в Россию изнутри, прорваться через сформировавшийся и во властном дискурсе, и в дискурсе общественном образ мигранта-гастарбайтера. Для решения этой проблемы авторы сосредоточиваются на особенностях социальной идентификации мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России. Выбор региона исследования связан с тем, что сам Дальний Восток формировался как регион мигрантов, соответственно, в данном случае не представитель принимающего сообщества (с самых различных идеологических позиций), но мигрант или потомок мигрантов изучает миграцию. Тем самым оказывается возможным обрести пограничную позицию, позволяющую видеть и принимающее сообщество, составленное из «следов» миграционных потоков, и сами миграционные потоки, устремившиеся сегодня в регион. Выбор мигрантов-выходцев из новых стран Центральной Азии связан с тем, что именно этот поток относительно массовым стал только в последние десятилетия. Процессы трансформации идентичности (или отсутствия такой

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00411, <https://rscf.ru/project/22-28-00411/>.

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в мае 2023 г.

трансформации) для участников этого потока могут быть прослежены едва ли не в режиме реального времени. На основе собранного эмпирического материала (неформализованные интервью и наблюдение в Хабаровске, Владивостоке и Биробиджане) в статье выстраивается шкала, задаваемая, с одной стороны, стремлением максимально адаптироваться к новому пространству, с другой – сохранить значимые элементы этнокультурной идентификации, связанные с «точкой исхода». Указывается положение различных групп на этой шкале; выявляются и анализируются факторы, детерминирующие стремление войти в новое сообщество или сохранить прежнюю идентичность; описываются роль этнической общины в этом процессе, а также значение особенностей «точки исхода» (столичный город/сельское поселение), участие/неучастие в государственных программах по переселению. В статье также дается описание «ядра» этнической общины, выделяется особое значение трансмигрантов в осуществлении ею своей деятельности, анализируется особенность их социальной идентификации между «точкой исхода и прибытия».

Ключевые слова: миграция, трансмигранты, Центральная Азия, Дальний Восток России, социальная идентификация, трансформация идентичности, «понимание ситуации», диаспора, принимающее сообщество

Постановка проблемы

Одной из важных особенностей социологического исследования выступает зависимость результата не только от характеристик объекта исследования, специфики методик сбора и анализа материала, но и от позиции исследователя. Традиционно проблема входящей миграции и мигрантов в большей степени рассматривается с позиции участника принимающего сообщества [Шамне 2013]. Сама авторская интенция может быть предельно различной – от фиксации негативных последствий миграции до стремления разрушить стигму группы, выталкиваемой в маргинальные социальные пространства [Новикова 2012]. Но в любом варианте мигранты здесь выступают некой пассивной массой, на которую направлены стигматизирующие или адаптирующие усилия внешних агентов. При этом специфика самого мигрантского сообщества или отдельных его представителей за редким исключением [Григоричев и др. 2010] остается на периферии исследовательского интереса.

В то же время любые внешние силы вступают во взаимодействие не с абстрактной и инертной массой, а с социальной общностью или социальными общностями, вполне сложившимися или складывающимися социальными интересами, стремлениями, практиками. Важнейшими из них и являются социальная идентичность и отождествление себя с некоторой, возможно, воображаемой социальной группой. Учет этого обстоятельства позволяет нам описывать не идеологизированное в той или иной степени воздействие (государства, принимающего сообщества, общественных организаций), но фактическое взаимодействие реальных социальных групп на конкретной территории.

В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть процесс не столько с точки зрения принимающего сообщества или государства, сколько с позиции самих мигрантов, точнее, постараемся эксплицировать эту позицию, описывая особенности социальной идентичности мигрантов-выходцев из стран СНГ на Дальнем Востоке

России. При этом мы ставим целью учесть и то обстоятельство, что формирование той или иной идентичности в мигрантском сообществе, отличной от идентичности населения «точки исхода», связано и с отношением принимающего сообщества. Для этого и необходима особая исследовательская позиция, которую Г. Зиммель обозначил, как позицию «чужака» [Bliakher, Ivanova 2020], позицию на границе сообществ; именно с этим связан выбор географических рамок исследования – Дальний Восток России.

Так сложилось, что этот регион формировался как регион мигрантов. Основное его население сложилось в период 1950-х – 1960-х гг., причем то, что население региона состоит из «следов» различных миграционных потоков, ощущается до настоящего времени [Ковалевский, Бляхер 2020]. В этих условиях, несмотря на сформировавшийся в стране дискурс о мигрантах как о гастарбайтерах (людях, по определению, низкостатусных), последние в реальной коммуникации воспринимаются лишь как еще один миграционный (входящий) поток [Бляхер 2014]. Тем самым изучение входящей миграции на Дальнем Востоке дальневосточниками в известной степени можно назвать исследованием мигрантов мигрантами или потомками мигрантов, хотя и адаптированными в данном сообществе, создавшими его. Это создает особую, пограничную, исследовательскую позицию, позволяющую осмыслить современный процесс миграции не в роли внешнего наблюдателя, но в качестве агента, в равной степени входящего как в пространство «вне», так и в пространство «изнутри». Последнее предоставляет возможность описать теоретическую рамку исследования социальной идентичности мигрантов.

Теоретическая рамка изучения идентичности мигрантов начинает формироваться, пожалуй, с исследований Чикагской школы. Так, в работе, посвященной участию и социальной ассимиляции, Р. Парк и У. Томас [Парк, Томас 2011], не используя понятие идентичности, по сути, задали вопрос о том, как она формируется – как появляется тот «социальный клей», благодаря которому сообщество, собранное из разных «точек исхода», начинает функционировать в единой и понятной для всех логике. Они обозначили два канала, по которым происходит настройка такого взаимодействия: первый – это язык и процесс его освоения; второй – это стремление к общему знанию в отношении «определенности ситуации». И если значимость языкового фактора в настоящее время не подлежит сомнению и почти всегда включается в перечень факторов, способствующих успешной адаптации мигрантов, то аспект общего понимания «определенности ситуации» не получил своей проработки в миграционных исследованиях.

Привлекательность положений Чикагской школы для нашего исследования связана еще и с относительной схожестью сложившихся условий в США 1920-х гг. и на пространстве постсоветского Дальнего Востока. Традиционно миграция рассматривается в ситуации, когда миграционный поток сталкивается с уже устоявшимся принимающим сообществом и вынужден выстраивать контакт с ним как с единым и целостным явлением, заполнять существующие смысловые и социальные лакуны. Но как в чикагских кейсах, так и на Дальнем Востоке мы наблюдаем иной тип взаимодействия – сообщество, сложившееся из «следов» прежних миграционных потоков, разность которых осознается, но не составляет проблемы при организации интеракции. Соответственно, новый миграционный поток только дополняет картину сообщества мигрантов, выступает привычным элементом социального ландшафта, не вызывающим особого эмоционального отношения.

Ситуация на Дальнем Востоке, когда все «немного мигранты», задает особый фокус рефлексии, позволяющий понимать как одну сторону (мигрантов), так и другую (принимающего сообщества) одновременно «вне» и «изнутри». В свое время именно это и предложили чикагцы, вслед за которыми авторы статьи считают такой способ теоретизирования достаточно актуальным.

Между тем более широкая проблематика идентичности как таковой на сегодняшний день сформировала собственное междисциплинарное поле, в котором множество исследований, ставших уже классическими, были написаны философами, социологами, психологами, антропологами [Эрикссон 1996; Castels 2004; Бауман 2005]. К концу прошлого века этот корпус существенно прирос работами, содержание которых определялось дискурсом модернизации и глобализации, где по-новому артикулировались традиционные схемы самоопределения человека: идентичность «ускользающего мира» [Гидденс 2004] перестала быть предписанной или, говоря словами З. Баумана, преобразалась из данности в задачу [Бауман 2005, с. 116].

Мода на идентичность не сразу пришла в миграционные исследования. А. Писаревская с соавторами, анализируя академический ландшафт по миграционной тематике за последние 30 лет, отмечает, что, появившись после 2000-х гг., к 2006–2009 гг. нарратив идентичности стал одним из самых популярных на сегодня в работах по миграции, написанных на английском языке [Pisarevskay et al. 2020]. Однако нельзя сказать то же самое о русскоязычном дискурсе миграции. Здесь тематика идентичности освещается фрагментарно и в специфическом фокусе, когда на мигрантов проецируются идентификационные признаки, сконструированные вне их собственного смыслового поля. Этой ошибки мы и попытались избежать в своем исследовании, обращаясь к конструированию идентичности из нарративов, полученных от самих мигрантов.

Одна из наиболее дискутируемых сейчас в этом контексте тем – это мифологизация идентичности [Мукомель 2019]. При общей довольно разнообразной палитре мнений и подходов тем не менее можно говорить уже о некотором консенсусе в отношении базовых принципов понимания идентичности мигрантов – ее многоуровневости, двойственности и даже множественности, постоянной изменчивости и динамичном характере. Идентичность постоянно конструируется в процессе освоения новых смыслов. Это справедливо не только в отношении мигрантов, но именно они являются той «модельной» группой, на которой это наиболее заметно. Показать, как реализуется задача конструирования своей идентичности мигрантами из Центральной Азии на Дальнем Востоке и стало целью нашей статьи.

Однако при всем том, что Дальний Восток сформирован в качестве сообщества мигрантов, он не существует отдельно от страны в целом. Соответственно, сложившийся дискурс о мигрантах (по большей части, негативный) так или иначе оказывает влияние на восприятия мигрантов и в исследуемом регионе. Он, по существу, заслоняет от взгляда исследователя мигрантское сообщество, превращая это достаточно разнородное и по социальному составу, и по целям, и по «точке исхода» социальное явление в некоторую гомогенность. Следовательно, для проникновения за стену, создаваемую дискурсом о мигрантах, необходим особый методологический инструмент.

Таким инструментом в нашей работе выступает известная модель аккультурации Дж. Берри, предполагающая, что мигранты ориентированы, с одной стороны,

на сохранение собственной идентичности и, с другой стороны, на обретение новой [Berry 2017]. Результаты этого процесса, согласно Дж. Берри, можно представить как шкалу из четырех ступеней: интеграция – ассимиляция (условно позитивные результаты) и сепарация – маргинализация (условно негативные результаты). Согласно этой модели, мигрант находится в состоянии поиска баланса между двумя культурами и стремится к некоторому равновесию, перемещаясь между двумя полюсами и поддаваясь влиянию факторов, которые притягивают его то к одному, то к другому. Согласно модели Дж. Берри, эти факторы имеют два измерения – то, которое формируется самим мигрантом (субъективная мотивация), и то, которое создается внешней средой (объективный фактор – отношение принимающего сообщества).

В своем исследовании мы показываем, что к этой модели можно добавить также фактор внутренней дифференциации мигрантского сообщества, который, с одной стороны, зависит от самих мигрантов и в этом смысле субъективно нагружен, но, с другой стороны, в значительной степени предзадан сложившейся разницей между группами внутри этого сообщества, что сближает его с объективным фактором. Таким образом, межгрупповые различия являются тем «третьим измерением», дополняющим модель Дж. Берри и показывающим, что результаты адаптации и собственно связанный с этим процесс формирования идентичности предопределяются не только субъективным желанием мигранта интегрироваться и соответствующей готовностью принимающего сообщества, но и внутригрупповыми нормами мигрантского землячества.

В настоящей работе мы предлагаем дополнить такую модель двойной/множественной идентичности мигрантов новым ее измерением, связанным с местом прибытия, а конструирование идентичности понимать как поэтапный процесс освоения новых смыслов, по-разному происходящий в различных группах. В некоторых из них, например, у циклических или краткосрочных (от нескольких месяцев до года) мигрантов, занятых низкоквалифицированным трудом, присутствует даже обратная интенция на сохранение собственной этноцентричности [Bennet 1986]. При этом в каждой группе имеется свое восприятие «определенности ситуации» в условиях входа и адаптации к новой среде. Такое общее понимание можно интерпретировать как структуру, замещающую идентификационный профиль в традиционном его осмыслении. Это значит, что идентичность является не результатом, а процессом: она переходит в модус становления, в рамках которого мы можем говорить только о разных стадиях приближения к условно-идеальному типу – полной идентичности принимающему сообществу.

Таким образом, основные гипотезы нашего исследования можно сформулировать следующими тезисами:

- идентичность всегда осуществляет себя в модусе становления, задавая шкалу, на которой каждая группа обозначает конкретную целевую установку и транслирует то «понимание ситуации», которое определяется ее социальным окружением;
- механизм формирования новой идентичности разный у различных групп: чем выше уровень квалификации, образования, ориентации на долгосрочное трудоустройство, тем сильнее мотивация к получению новой идентичности. Однако сам процесс получения и формирования новой идентичности не становится для мигрантов отрефлексированной целевой стратегией;

– идентичность является вторичной по отношению к ориентации на более высокий заработок и повышение благосостояния. Главная мотивация – это трудовая, идентичность – это средство и инструмент ее реализации.

Основные положения и выводы, представленные в статье, получены в результате работы по гранту «Особенности социальной идентичности мигрантов из стран Центральной Азии на Дальнем Востоке России», поддержанному Российским научным фондом. В процессе реализации проекта была проведена серия неформализованных биографических интервью (n=25) с представителями разных подгрупп мигрантов, проживающих в дальневосточных городах. Для реализации заявленного в теоретической рамке взгляда одновременно «вне» и «изнутри» в число этих респондентов были включены мигранты полуторного и второго поколений. В качестве материалов из «точки исхода» привлекались интервью с респондентами из Душанбе, собранные в 2015 г. (n=8). Для понимания особенностей идентичности циклических трудовых мигрантов использовались данные, собранные коллегами из Дальневосточного федерального университета, работающими по смежной тематике¹. Географические рамки полевого исследования охватывают Хабаровский и Приморский края, Еврейскую автономную область.

Отбор информантов для интервью проводился с использованием техники моделирования «идеального респондента» – мигранта, представляющего разные группы по целям прибытия, квалификации, характеру труда, сроку пребывания и в контексте формальных и неформальных факторов трудоустройства. С учетом этих свойств был построен кейс, максимально учитывающий разнообразие сообщества мигрантов из стран Центральной Азии.

Конкретный выбор мигрантов из Центральной Азии в качестве объекта исследования связан с рядом обстоятельств. Кавказские диаспоры, точнее, вполне интегрированные в дальневосточное социальное пространство сообщества, сложились еще в поздние советские годы, и массового прибытия новых участников этих сообществ в последние десятилетия не наблюдалось. Приехавшие в регион бывшие граждане Украины (в основном из донбасского региона) интегрировались через посредство государства, крайне незначительно влияя на принимающее сообщество и не выделяясь из него. А самыми многочисленными мигрантами в десятые годы текущего столетия стали именно выходцы из молодых центрально-азиатских государств (Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана). Их адаптацию в регионе, процесс формирования/неформирования новой идентичности мы можем проследить едва ли не в режиме реального времени.

Сложившиеся представления о типологии мигрантских подгрупп

Тот факт, что ни одна общность, особенно такая многочисленная, как мигранты, не может быть однородной, является настолько тривиальным в миграционных исследованиях, что по-настоящему не привлекает к себе исследовательского интереса. В имеющихся наработках при достаточно большом внимании к отдельным группам мигрантов (возрастных, трудовых, этнических) встречается крайне мало

¹ Авторы выражают благодарность коллегам из Дальневосточного федерального университета А.В. Винокуровой и К.Н. Сердюкову за возможность использовать в работе собранные ими данные.

обобщающих и сравнительных работ по межгрупповым различиям внутри них, например, обоснованных типологий мигрантских сообществ и анализа их внутренней дифференциации. К тому же в случаях, когда авторы обращают внимание на отдельные подгруппы, как правило, основное внимание уделяется описанию их количественных характеристик – уровню квалификации, возрасту, срокам пребывания, степени легальности труда и т.д. [Мукомель 2017; Мукомель 2021].

Внешнее восприятие мигрантов со стороны принимающего сообщества также отличается слабым интересом к различиям между мигрантами. Жители российских городов относятся к ним как к однородной массе «понаехавших», не видя особых отличий между этносами, целями прибытия и спецификой занятости [Бритвина, Могильчак 2020]. Между тем стратегии формирования идентичности у мигрантов очень различаются в зависимости от целей приезда, уровня квалификации и сферы занятости. Для схематичности и простоты их конструирования воспользуемся тем разделением на социально-демографические категории, которое уже сложилось в миграционных исследованиях. Так, по целям приезда обычно выделяют две наиболее многочисленные группы – трудовые и образовательные мигранты. Другие цели формируют потоки, которые в интересующем нас смысле слова к мигрантам не относятся: например, туристическая или медицинская цели также очень распространены, однако они исходят из краткосрочных планов и не предполагают изменения ценностей, определяющих идентичность, в связи с чем эти группы мы вынесем за скобки и остановимся только на трудовых и образовательных.

Группа образовательных мигрантов представлена студентами вузов и колледжей, и в отношении ценностей, определяющих идентичность, является относительно более однородной, чего нельзя сказать о трудовых мигрантах. Именно в этой группе мы встречаемся с наибольшим разнообразием, и в первую очередь, это характер труда и квалификация работника.

Чаще всего встречается деление по уровням квалификации в соответствии с международным стандартом ISCO-08 – низкоквалифицированные, квалифицированные и высококвалифицированные мигранты. Соотношение между этими группами оценивается приблизительно так: «Основная масса среднеазиатских трудовых мигрантов имеют среднюю квалификацию (84,3%), доля высококвалифицированных мигрантов – 12,1%, низкоквалифицированных – лишь 3,6%» [Мукомель 2021, с. 189]. При этом сфера занятости (квалификация труда) и уровень квалификации мигрантов не предполагают ожидаемого соответствия. Имеющие профессию и образование мигранты очень часто работают в тех областях, которые не требуют их профессиональных навыков: «Среднеазиатские высококвалифицированные мигранты в подавляющем большинстве работают на рабочих местах, где их квалификация избыточна, причем 1/4 из них в России заняты в качестве неквалифицированных работников (группа 9 по ISCO-08) на рабочих местах, где не требуется даже среднее общее образование» [Мукомель 2021, с. 192].

Такое положение дел вносит некоторую путаницу в эту классификацию: в разном контексте под мигрантами высокой квалификации понимают как тех, кто работает на новом месте в соответствии с квалификацией, так и тех, кто работает на местах, где их квалификация избыточна. В своем исследовании в случае типологии по уровню квалификации мы принимали во внимание в первую очередь квалификацию труда, а не квалификацию самого работника. Так, например, один из наших респондентов (дворник, работавший на родине в Узбекистане учителем),

относится нами к категории неквалифицированных мигрантов, несмотря на наличие признаков квалификации – высшего образования, поиска работы и опыта предыдущей деятельности [Мукомель 2021].

Поэтому классификация по характеру труда дает совершенно иную картину, в которой удельный вес квалифицированного мигрантского труда очень невысок. Так, 61,2% мигрантов разного уровня квалификации заняты физическим неквалифицированным трудом, руководителями работают лишь 2% мигрантов, специалистами высшей и средней квалификации – 2,3 и 3% соответственно, служащими, занятыми подготовкой документации, учетом и обслуживанием, – 2,3% [Мукомель 2017, с. 73].

Еще один значимый для нас критерий – срок пребывания – хотя и является формально-количественным, но также очень важен для понимания намерений в отношении принимающего сообщества. По сроку пребывания мигрантов принято делить на три подгруппы:

- долгосрочные (от 1 года);
- краткосрочные (циркулярные), имеющие сезонную или вахтовую работу;
- впервые прибывшие и только начавшие трудовую деятельность [Мукомель 2017].

Время пребывания не является основополагающим фактором, однако его следует принимать во внимание, так как, с одной стороны, краткосрочное пребывание по определению не ориентировано на погружение и присвоение ценностей, но, с другой, даже длительный срок сам по себе такую установку не обеспечивает.

И третий критерий, который мы принимали во внимание, связан со степенью включенности в официальные трудовые отношения. Одна из условных схем классификации, которая показалась полезной для наших целей, включает три категории:

- официально занятые в полном соответствии с трудовым законодательством РФ;
- незаконно занятые – не имеющие оснований для занятий трудовой деятельностью; в зависимости от сферы деятельности численность таковых оценивалась в 2017 г. до 49%;
- неформально занятые – имеющие основания, но не оформившие с работодателем официальных документов на трудоустройство, работающие на основе устных договоренностей [Мукомель 2017, с. 73].

В данном случае мы выносим за скобки криминальные подгруппы в силу специфики их статуса. Для нашего исследования было важно узнать, насколько привлекательной представляется для мигрантов возможность неформального трудоустройства.

Помимо этого, важным обстоятельством, определяющим ориентацию мигранта на сохранение прежней или обретение новой идентичности, является «точка исхода». В советский период уровень русификации национальных республик Средней Азии различался достаточно серьезно. Крупные промышленные города и столицы были русифицированы гораздо сильнее, нежели остальные части страны. Более того, до настоящего времени русский язык остается языком международного общения при контактах тюркоязычных и ираноязычных жителей региона, выступает своего рода «городским языком» [Бляхер 2015].

«Сегодня не так часто встретишь человека, с которым можно вот так культурно и цивилизованно поговорить на русском языке. Очень много кишлачных появилось в последнее время, но они тоже учатся. Сам город учит» (мужчина, 43 года, преподаватель, образование высшее).

Соответственно, в случае, когда «точкой исхода» выступает крупный город, то, если и не идентичность, то «понимание ситуации» возникает гораздо быстрее и легче, чем в варианте, когда «точкой исхода» выступает сельское поселение (кишлак, аул) или малый город.

«Текущая идентичность» мигрантов: попытка типологии по подгруппам

Все эти категории мигрантов совершенно по-разному ориентированы на освоение новой культуры. Стремление к новой идентичности в преломлении через определенные ценности в различных подгруппах выступает как дискретное поле – своего рода шкала, на которой можно найти самые разнообразные группы – ориентированные на полное слияние с принимающим сообществом (условный «максимум идентичности») и совершенно обособленные и воспроизводящие в его рамках свою этноцентричность (условный «минимум идентичности»). Помимо этих крайних пунктов, имеется целый ряд промежуточных вариантов, которые трудно упорядочить и встроить в единую схему: например, те случаи, когда имеет место внешнее воспроизводство атрибутов идентичности – получение образования, изучение языка, формирование связей и другое, однако все это имеет чисто утилитарный прагматический смысл.

Тезис об идентичности как континууме мы продемонстрировали в виде схемы – *таблицы 1* с тремя условными значениями по степени ее сформированности (минимальный – средний – максимальный) и перечнем факторов, способствующих ее становлению. Таким образом, мы описали несколько форм и уровней идентичности в зависимости от определяющих ее факторов. В отличие от исходной схемы Дж. Берри, заявленной в качестве теоретической рамки, мы, во-первых, обратили внимание на процессуальность, подчеркнули важность промежуточного состояния, которое и выражает «текущий» характер идентичности. Во-вторых, в нашей схеме показывается, по каким именно направлениям происходит это перетекание, в то время как схема Дж. Берри отражает только его результат.

Однако формальные параметры, даже сведенные в *таблицу 1*, не позволяют нам описать весь спектр идентичности, отмечая лишь наиболее явные точки на шкале между «минимумом» и «максимумом» идентичности. Для более подробного описания групп, возникающих на этой шкале, мы и попытались дополнить привычный анализ объективных параметров исследованием внутренних мотивов мигрантов из стран Центральной Азии в отношении направления миграции, взаимодействия с принимающим сообществом и целей этого взаимодействия.

Таблица 1. Типы мигрантов по степени сформированности идентичности

Факторы формирования идентичности	Степень сформированности новой идентичности		
	минимальная	промежуточная (средняя)	максимальная
Срок проживания в России	менее года (циркулярное пребывание)	более года (трансмиграция)	более года
Уровень владения языком	низкий	средний, только для общения	высокий
Уровень квалификации труда	низкоквалифицированный	различный, но не высококвалифицированный	различный, в том числе высококвалифицированный
Незаконность/неформальность труда	допустима	допустимы неформальные практики	неформальные практики нежелательны
Российское образование	нет	возможно	есть
Семья/брак с россиянином/россиянкой	нет	предпочтительно сожительство без оформления	возможен
Круг общения (ближний, дальний)	земляки, соплеменники	земляки, соплеменники, единоверцы, по необходимости – представители принимающего сообщества	земляки, соседи, профессиональное сообщество, друзья без этнической дифференциации
Праздники и традиции	праздники и традиции «точки исхода»	праздники и традиции «точки исхода», государственные праздники «точки прибытия»	местные и государственные праздники «точки прибытия», бытовые традиции «точки исхода»
Религиозность	высокая	высокая	низкая
«Точка исхода»	село	село и малый город	крупный или столичный город

Мигранты в поиске «определенности ситуации»

Выбор России в качестве направления миграции имеет наряду с экономическими серьезные культурные основания, поскольку гораздо более привлекательным с точки зрения заработка представляется перемещение не на Север, а на Запад, в мусульманские страны Ближнего Востока, в Саудовскую Аравию, Эмираты. Однако в этих регионах языком общения выступают либо арабский, либо английский, и выходцы из стран Центральной Азии (бывших советских республик) проигрывают конкуренцию в силу своей «безъязыкости» выходцам из арабских стран Северной Африки (арабский язык) и выходцам из Индии (английский язык). В России же таких конкурентов нет: даже слабое владение русским языком позволяет вполне успешно осуществлять трудовую деятельность (во всяком случае в отраслях, не требующих особой квалификации). Об этом говорили и сами респонденты:

«Наши пробовали ездить в Эмираты, в Саудовскую Аравию, но там нужен или арабский, или английский. Индусы или марокканцы таджиков по этому признаку сразу вытесняют. А русский язык у нас до сих пор как-то знают, поэтому в России проще устроиться, мы понимаем все проблемы. Другие направления пока не выходят» (женщина, 36 лет, таджичка, преподаватель, образование высшее).

Но это же обстоятельство на первом этапе пребывания создает для части мигрантов иллюзию «понимания ситуации».

«Я приехал сюда, и мне никто помочь из русских не хотел. В поликлинике, в магазине. Все, будто я дикий какой-то, смотрели, а я не дикий, я техникум закончил. Русский говорить умею². Потом здесь мой дядя жил, он стал объяснять, как тут нужно говорить, что нужно делать. С работой помог устроиться, у него бригада две. Там и работаю. Ремонт делаем, строим, деньги есть. Вот еще до октября поработаю и домой поеду» (мужчина, 23 года, таджик, рабочий ремонтной бригады).

В этом интервью описана не единственная, но достаточно распространенная стратегия краткосрочного мигранта, чаще всего, выходца из небольшого городка. В период пребывания он полностью определяется общиной, диаспорой, состоящей из земляков, в идеале, родственников; они составляют его мир, и общение с местным населением минимально. Как правило, более адаптированный земляк или родственник выступает связующим звеном между мигрантом и принимающим сообществом, поэтому прежняя идентичность для такого типа мигрантов почти не нарушается. Принимающее сообщество остается чужим и зачастую враждебным миром, в который он входит по необходимости, стараясь

---

² Здесь и далее сохранен оригинальный вариант речи респондентов.

заслониться от него более приспособленными к ситуации участниками диаспоры, о которых речь пойдет ниже.

«Мне старик наш говорил: “Говори всем, что ты уже двадцать лет на стройке”. Я говорю, что мне сейчас двадцать пять лет. А он говорит, что ничего: “Русский не слушает, не смотрит, слова любит”. Я теперь всегда так говорю, потом больше уважают» (мужчина, 25 лет, таджик, строитель).

Другим распространенным вариантом краткосрочного вхождения в принимающее сообщество является вахта. Этот тип привлечения мигрантов стал распространяться в регионе в период подготовки к саммиту АТЭС 2012 г., сохранился он и сегодня на крупных стройках Дальнего Востока. В отношении нашей темы особого отличия здесь не обнаруживается: несмотря на то что внешний мир работника составляет российская администрация, внутри мигрантского сообщества выделяется «бригадир», который и осуществляет коммуникацию. Как отмечали респонденты, общение с представителями принимающего сообщества эпизодическое, а работа, питание и отдых организуются в вахтовых поселках, расположенных за пределами местных поселений. Идентичность, возникшая в «точке исхода», здесь не имеет никаких шансов быть трансформированной. Но ситуация может поменяться, если работник после завершения контракта по какой-либо причине решает остаться в регионе на более длительный срок: в этом случае мигранты чаще примыкают к той или иной диаспоре.

Это положение иллюстрирует и эмпирический материал, собранный К.Н. Сердюковым в Приморском крае. По его данным, при общем нейтральном отношении к принимающему сообществу «иностранцы работники в целом демонстрируют достаточно низкую степень вовлеченности в новую социальную среду» [Сердюков 2022, с. 118]. Его исследования идентификационного профиля 254 трудовых мигрантов показали, что наиболее высокие оценки по шкале самоидентификации получили национальная (82%) и религиозная (71%) подгруппы, по территориальному признаку респонденты признают идентичность жителям родного города/села (63,5%) и местной диаспоре (61,6%). Жители принимающего сообщества (Приморского края), так же как и россияне в целом, занимают самые низкие позиции в этом рейтинге «отнесения к своим» – 14,6 и 11,8% соответственно. Эти предпочтения подтверждаются ответами мигрантов на вопросы о планах и ценностях: ни образование, ни высокий уровень владения языком (то, что традиционно считается главными инструментами достижения идентичности) не относятся к числу значимых ценностей трудовых мигрантов, особенно возрастных [Сердюков 2022, с. 154–155].

Низкоквалифицированные трудовые мигранты в нашем кейсе представлены восьмью респондентами, среди которых по три выходца – из Узбекистана и Таджикистана, два – из Кыргызстана; пять человек из этой группы заняты в сфере обслуживания, трое – в строительстве. При проведении опроса именно эта категория респондентов оказалась самой сложной: на интервью соглашались неохотно, несмотря на усилия интервьюера создать дружелюбную атмосферу, отвечали односложно, вели себя напряженно и отстраненно. Несколько лучше проходила

беседа в варианте, когда не обозначался факт интервьюирования. При этом содержательно практически полностью воспроизводилась картина, обозначенная в работе К.Н. Сердюкова [Сердюков 2022].

В целом, для краткосрочных мигрантов проблема обретения новой идентичности остро не стоит. Находясь внутри диаспоры, они вполне удовлетворяются прежней идентичностью; понимание же положения дел задают старшие члены общины. При этом гораздо больший интерес у респондентов вызывает место в общине.

Роль общины в процессе освоения новой идентичности

Община (диаспора) в материалах исследования предстает достаточно сложно организованной социальной структурой со своей четко осознаваемой иерархией [Дятлов 2003]. «Ядро» диаспоры составляют вполне адаптированные люди, часто обладающие (в случае граждан Таджикистана) двойным, в том числе российским гражданством, и достаточно стабильным экономическим статусом: в интервью упоминались кафе, пекарня, магазин, строительная бригада, частный извоз и некоторые другие виды деятельности. При этом связи с «точкой исхода» у этих агентов полностью сохраняются, более того, именно наличие таких связей составляет основу их деловой успешности. Они предоставляют местному населению (в регионе) достаточно востребованные услуги – национальную кухню, которая начинает вытеснять привычные китайские кафе, ремонт и благоустройство дачных участков и домиков, овощную продукцию и т.д. Но необходимо учитывать, что трудовые ресурсы черпаются в «точке исхода»: отсюда прибывают родственники и земляки, начиная работать на предприятиях «хозяина».

Особый лидерский статус приобретает член общины в том случае, если возникает устойчивый контакт с местной властью, и, несмотря на то, что глава общины далеко не всегда является главным человеком в ней, его роль значительна. Так, в одном из интервью глава таджикской общины (женщина) рассказывала о своей деятельности:

«Работы очень много. Приезжают часто люди, совсем не ориентирующиеся в Хабаровске. Они же с детьми приезжают, а дети болеют. Нужно с поликлиникой помогать, со школой. Мы много мероприятий проводим для членов общины. Праздники проводим и мусульманские, и советские. Помогаем документы правильно оформлять. Много работы» (женщина, 38 лет, таджичка, руководитель общины).

Собственно, в задачу руководителя общины входит создание приемлемого (привлекательного) контента среды для местных и региональных властей – национального по форме и российского по содержанию. При всей важности этих функций лидер выступает скорее не главой, а представителем общины в рамках властного дискурса, адаптируя реалии под те формы, которые задаются властью.

Как неоднократно отмечалось в интервью, чем более многочисленной и разнообразной по формам экономической активности является диаспора,

тем она сильнее и успешнее. Соответственно, одной из функций, направленных на поддержание численности и сплоченности общины, становится проведение мероприятий по привлечению новых членов именно в данную общину, причем мероприятий не в одной, а в нескольких формах. Первая группа мероприятий направлена на власть (местную и региональную) и представляет собой всевозможные акты лояльности. В интервью отмечены участие в городских праздниках и спонсорская помощь в их проведении, национальные концерты, участие в мероприятиях по профилактике терроризма и экстремизма, присутствие в совете при администрации городов и субъектов федерации. Задача здесь вполне прагматичная – стать главной национальной общиной для власти, тем самым получить ресурс для поглощения иных общин той же этнической принадлежности. Другая группа мероприятий связана с публичным, максимально широким празднованием общиной национальных, в том числе религиозных, праздников. Это не только демонстрирует силу общины, но и позволяет вовлечь в нее особого рода агентов – местных жителей, обладающих данной этничностью. Эти полностью адаптированные жители региона, постепенно входя в общину, начинают оказывать определенные услуги ее участникам; на такого рода услугах и строятся отношения внутри общины. Третий тип мероприятий, не отмеченный в интервью, но проанализированный в работах Д.О. Тимошкина, заключается в привлечении новых участников общины через мигрантские чаты в социальных сетях [Тимошкин 2019].

Подобная активность связана с наличием в данной диаспоре нескольких общин, находящихся в состоянии конкуренции, причины которой могут быть совершенно разными: иногда это связано с противоречиями, возникшими еще в «точке исхода»; иногда речь идет о хозяйственных или личных противоречиях. Отмечался и случай, когда противоречия были связаны с религией.

«У нас главный праздник всегда был Новруз, таджикский Новый год. Мы как дома его праздновали, так и здесь празднуем. Ну, обряды, дастархан, застолье, песни. А тут эти приехали, кишлачные, и давай порядки свои наводить. Говорят, что мы все неправильно делаем, а сами ни на русском языке, ни на таджикском нормально говорить не могут. Ну вот пришлось им напомнить, кто они, а кто мы» (женщина, 38 лет, таджичка, глава общины).

Иная точка зрения у представителя относительно «молодой» общины, недавно прибывшей на Дальний Восток. По его мнению, местные исповедуют не настоящий ислам, а испорченный советской властью.

«К нам, в Кабодиен [город на границе с Афганистаном – прим. авторов] приходил улем [знарок священных книг – прим. авторов] из Афганистана. Он все правильно рассказал, как нужно все понимать в исламе. Он на арабском читает, на персидском. Сам в Мекке был. Я на все его проповеди ходил. А здесь они все переверли, они даже Коран на русском читают, на арабском ничего не понимают. А нам говорят, что мы дикари» (мужчина, 25 лет, таджик, рабочий на стройке).

Трансмигранты: неформальные лидеры общины

Несмотря на то, что руководитель общины выполняет очень важную роль, реальной властью в диаспоре обладают «хозяева», как правило, живущие на два «дома». Они в равной степени интегрированы и в местное сообщество, и в сообщество «точки исхода», используя свою позицию в качестве инструмента влияния и в первом, и во втором случае. Подобную ситуацию уместно обозначить термином «трансмиграция» [Schiller et al. 1992]. Понятия «трансмиграция» («транслокальность») и «трансмигрант» уже достаточно прочно вошли в арсенал миграционных исследований еще в конце XX в., однако особую актуальность они приобрели в 2010-е гг., в том числе в исследованиях миграции в России [Капустина 2017].

Трансмигранты, судя по эмпирическим исследованиям, составляют «ядро» диаспоры и в варианте Дальнего Востока России, причем они не только сами проживают между двумя «домами», но и организуют логистические цепочки, по которым переправляются новые краткосрочные мигранты, восточные товары и т.д. Их функции, кроме, собственно, хозяйственных, крайне разнообразны: именно они встречают новых мигрантов, решают вопросы с их обустройством, работой, легализацией на территории, выступают посредниками между принимающим сообществом и новыми приезжими, становятся на какое-то время гидами по жизни в России. И главная роль здесь отводится трансмигрантам, выступающим в качестве миротворцев. Используя свой статус «хозяев», они гасят как религиозные, так и иные противоречия, часто выступают третейскими судьями в разрешении споров между общинниками.

В отношении социальной идентичности трансмигрантов ситуация выглядит достаточно сложной. Обитая в транслокальном пространстве, они постепенно утрачивают устойчивую идентичность «точки исхода», хотя вполне успешно могут ее имитировать.

«Мне дома уже тесно. По своим доходам я уже давно мог бы вернуться домой. Денег бы и себе, и детям хватило, только там уже чужой мир. Я там все знаю. Просто оно уже не совсем мое, как-то уже отдалилось все. Вот с Искандаром [общий знакомый, давший рекомендацию – прим. авторов] мы “свои”. Он тоже между Канибадамом [город на севере Таджикистана – прим. авторов], Душанбе и Россией мотается» (мужчина, 52 года, таджик, хозяин пекарни).

Но и Россия (в нашем случае, Дальний Восток) не является «домом». Отчасти это связано с наличием негативного (антимигрантского) дискурса, отчасти с тем, что и здесь общение носит достаточно функциональный характер. По словам респондента, круг его общения достаточно широк: он включает в себя и членов общины, и земляков, и партнеров по бизнесу (упоминались владельцы магазинов, куда он поставляет хлебобулочные изделия), и соседей.

Усваивается и новый язык, становясь своего рода вторым родным.

«Или уже, как говорится, разговариваешь [по-узбекски – прим. авторов], разговариваешь и автоматически на русский перешел, хоть с земляком разговариваешь. Он тоже не обижается, он тоже понимает, он тоже сам, бывает, так же разговаривает, тоже давно живут, тут семьи у них тоже. Они тоже так же разговаривают: сначала по-узбекски, а потом раз – автоматически перешел на русскую» (мужчина, 50 лет, узбек, рабочий в котельной, живет в России с 1986 г.).

Но это общение оказывается достаточно слабо связано с освоением новой идентичности; точнее, новая идентичность связывается не с Россией или Таджикистаном/Узбекистаном/Кыргызстаном, а с пространством транслокальности. Даже наличие у значительной части трансмигрантов-«хозяев» российского гражданства свидетельствует не столько о новой политической (гражданской) идентичности, сколько облегчает ряд процедур, связанных с транслокальным взаимодействием («В России проще с русским паспортом»).

На место идентичности в отношении принимающего сообщества становится понимание «определенности ситуации» [Парк, Томас 2011]. Важно отметить, что, судя по интервью, эта группа респондентов не видит различий между формальными и неформальными практиками, государственными и иными силовыми операторами. Их ситуация определена опытом и практикой, оформлена в более или менее понятные «правила игры», в которых трансмигранты прекрасно ориентируются, помогая сориентироваться вновь прибывшим.

Последние далеко не всегда ограничиваются одним вояжем в регион: если он оказался успешным, а ситуация на родине не улучшилась (то есть достойная работа не нашлась), то они зачастую отправляются в повторную поездку. И с каждым разом возрастает их понимание «определенности ситуации» в месте прибытия, равно как и их статус в общине. Со временем формируется пополнение в группе трансмигрантов с их специфической идентичностью в пространстве между двух «домов». Даже прожив в регионе достаточно долго, они сохраняют свои отличия (не только этнокультурные) и свою диаспоральную психологию.

Особенности идентичности высококвалифицированных мигрантов

Возможны и иные стратегии вхождения в принимающее сообщество. Речь идет, главным образом, о выходцах из крупных городов региона или городов «точки исхода» (оттуда, где располагались советские военные базы, высокотехнологические производства и т.п.). Эта категория мигрантов по разным причинам испытывала большую русификацию и преследует наряду с экономическими достаточно явные социальные и культурные цели. Дело в том, что ряд профессий в силу комплекса причин оказались не востребованы, а некоторые и вовсе не нужными в новых странах Центральной Азии.

«Дома нужен просто парикмахер, нужно уметь стричь, брить, остальное только в Ташкенте или Самарканде. А я не парикмахер, а визажист. Это другая, гораздо более сложная квалификация. Здесь это нужно. А моя квалификация оказывается выше

квалификации местных. Ко мне сначала мало людей ходило. Но постепенно клиентов больше становилось. Теперь уже сам не справляюсь, помощников взял. Один из Андижана [город в Узбекистане – прим. авторов], а второй местный» (мужчина, 31 год, узбек, владелец салона).

Иными словами, некоторой части мигрантов именно переезд дает шанс на профессиональную реализацию. Традиционно подобные специалисты относятся к носителям средней квалификации, но сами они с этим категорически не согласны.

«Ты знаешь, сколько стоят курсы по дизайну дачных участков? До трех тысяч долларов. А такие курсы, если хочешь быть в тренде, нужно проходить не реже раза в год. Твой филолог или математик отучились и работают, а мне нужно все время учиться. Постоянно новые материалы появляются, новые технологии. Упустил? Все, ушли заказчики. Понятно, что это не для тех, у кого шесть соток. А их, которые реально дома строят и участки облагораживают, не так много. И чтобы они ко мне, таджику, пошли, нужно быть на голову лучше местных (мужчина, 36 лет, таджик, строительство и благоустройство дачных участков и загородных домов).

И это касается не только сферы услуг (визажистов, дизайнеров), но и общепита (поваров, кондитеров, сыроделов), и каждый из этой группы респондентов считает себя мастером. Большая часть респондентов на первых шагах своего пребывания в России опирается на общину и помощь земляков, но в какой-то момент начинает тяготиться многочисленными обязательствами и ограничениями, которые накладывает членство в общине, поэтому стремится сократить контакты с соплеменниками. Точнее, эти контакты перестают быть деловыми, и как следствие, увеличивается круг профессиональных контактов безотносительно к их этнической принадлежности. Следует отметить, что для этой группы зачастую характерен изначально высокий уровень владения русским языком, поскольку респонденты на родине вращались в «городской» (русскоязычной) среде.

«Я лично не обращаю внимания, но вокруг меня всегда была только русская среда. Город мой – Исфара, северный Таджикистан. Я, как сказать, родился там, и школа там была такая. Не знаю, как сказать. Я вырос прорусским, знаю, как это все есть» (мужчина, 35 лет, таджик, врач).

Как отметил другой респондент в ответе на вопрос интервьюера «знает ли он английский»: «Я русский знаю. Для меня русский язык – это как для тебя английский. Для нас Россия – это окно в мир». Представители этой группы охотно получают российское высшее образование, проходят курсы повышения квалификации в России, отдают детей в русские школы и вузы. Они крайне негативно относятся к любой неформальности, способной даже потенциально стать препятствием для их адаптации в новом сообществе.

Мотив самореализации преобладал в интервью с врачами-мигрантами, учеными, педагогами, число которых в последние годы в регионе стало значительным, по крайней мере, визуально фиксируемым. Последнее связано не с каким-либо образовательным бумом в молодых странах Центральной Азии, а с наличием государственных программ по поддержке переселения в ДФО, предполагающих перемещение высококвалифицированных специалистов (с признанным высшим образованием). Для этой категории мигрантов облегчается получение рабочего места, гражданства и т.д., что и вызвало приток врачей и учителей. Причем многие из учителей (по образованию), прибыв в регион, предпочитают выбрать менее статусный, но лучше оплачиваемый низкоквалифицированный (в терминах В.И. Мукомеля) труд. Сам факт переселения по государственной программе создает дополнительные возможности для желающих включиться в местное сообщество, избежав сложного и длительного процесса выхода из общины, разрыва с диаспорой.

«Хороший город, все понравилось. Как все вышло-то. Я зашел поговорить, там все молодые и профессионалы. Посмотрели документы. Точнее, попросили у меня перечень, который я потом собрал. Все глянули и предложили. Они помогают там, хорошие люди. Помогли оформить все правильно. Там четко все, продвинутые такие. Все знают. Русские парни такие. А там самолет, через Новосибирск. Прилетел – город большой. Заселились в общагу. Работу быстро нашел – в школе медик» (мужчина, 40 лет, таджик, медик).

Важно отметить, что для значительной части респондентов этой группы речь шла не столько об обретении новой (русской) идентичности, сколько о ее подтверждении. Для них, жителей крупных городов, сложившаяся там идентичность «советский народ» и являлась прежде всего русской идентичностью с ее культом всеобщего братства, Великой Победы, русского языка и т.д. Происходящая в постсоветский период этнизация городского пространства, проводимая под флагом борьбы с засильем советского прошлого, воспринималась представителями этой группы как утрата цивилизованности, рурализация. Вне зависимости от степени включенности в местное сообщество они оказывались в чужом мире, становясь людьми с потрясенной идентичностью. При этом факт, что с момента распада СССР прошло уже более трех десятилетий, особой роли не играл: советская (русская) идентичность продолжала воспроизводиться в следующих поколениях как показатель более высокой городской культуры, противопоставленной «кишлачной».

«Новые названия часто только в государственных документах используют. Люди чаще называют как раньше: “Зеленый базар”, “Проспект Правды”. Иногда сначала новое название скажут, а потом старое, чтобы было понятно, о чем говорят» (мужчина, узбек, 36 лет, предприниматель, образование высшее).

Лишившись прежней идентичности, представители этой группы отправляются за ней в погоню туда, где, по их мнению, она должна быть, – в Россию. Выбор

же Дальнего Востока детерминирован простой прагматичностью: здесь ниже уровень ксенофобии, выше государственная поддержка, меньше людей и более выраженная нужда в специалистах.

Конечно, есть и те, кто обрел новый дом и новую идентичность просто в силу длительного проживания на территории, постепенного сокращения коммуникации с «точкой исхода».

«С Еврейской автономной области я. Русский я уже 22 года тут, большую часть жизни, но сохраняю таджикские свои <...> культуру. В городе праздники делаем все. Кто-то стол может накрыть, и туда приезжают все, когда свадьба у кого-то, или молитва в пятницу если. Бывает, просто собираемся. <...> Человек пятьдесят или шестьдесят» (мужчина, этнический таджик, владелец киоска по торговле фруктами, 40 лет).

Однако численно эта группа крайне невелика, а гораздо более значительна та, которая отправилась на поиск «утраченного рая». Далекое не все выдержали столкновение идеального, вынесенного из русской школы образа с реальностью; часть вернулась, часть осталась, но живет, ностальгируя о прошлом, перенося свои представления о прекрасном из «далёко» во «вчера».

«Когда мы подъезжали, отец говорил, что скоро вот будет уже вокзал, тут уже город начался. А я смотрю и не понимаю, где город. Ничего же нет. Я в столице родилась, а тут два домишки. Невероятно красивый советский Душанбе и зимний Биробиджан девяностых. У меня слезы полились сразу. Я себя чувствовала как Гулливер, где рядом маленькие домики непонятные. Мне нужны большие чинары, а тут тонюсенькие деревья. Проплакала я тут три месяца и уехала, и закончила там вуз» (женщина, таджичка, 53 года, преподаватель университета).

При этом значительная часть все же находит здесь себя, особенно молодые жители крупных городов Центральной Азии. В общем потоке их число невелико (по мнению экспертов, не более 10–15%), но именно они едут не на заработки, не для временного проживания «где-то». Они приезжают в *Россию*; именно они остаются на ПМЖ вне зависимости от внешнеполитической обстановки; они трансформируют свою советскую идентичность в российскую, сложившуюся за прошедшие десятилетия раздельного существования. Так, по подсчетам, проведенным А.В. Ковалевским [Ковалевский 2023], примерно такое же количество (10–15%) оставалось на Дальнем Востоке едва ли не от каждого входящего миграционного потока. Таким входящим миграционным потоком становится и приезд мигрантов-выходцев из стран Центральной Азии, бывших советских республик. Он, как и каждый предшествующий поток, усваивает некие значимые особенности местного сообщества, привносит в него новые черты. Как изменится и изменится ли местное сообщество под влиянием нового потока мигрантов, покажет ближайшее время.

Заключение

Интерес к проблеме идентичности мигрантов в России сегодня постепенно становится одним из наиболее активно исследуемых феноменов. Обретение новой идентичности мигрантами позиционируется государственными органами в качестве важной и долгосрочной задачи, рассматривается как свидетельство социальной адаптации мигрантов в принимающем сообществе [Рочева и др. 2020]. Для исследователей социальная идентичность или социальные идентичности – это способ проникнуть за стереотипные представления о мигрантах, за сложившийся дискурс о них. Подобную инфильтрацию мы и попытались осуществить в настоящей статье на материале Дальневосточного региона. Выдвинутые в начале исследования гипотезы, сформулированные на основе анализа литературы, нашли здесь частичное подтверждение.

В рамках сложного и достаточно гетерогенного потока мигрантов говорить о единой стратегии обретения идентичности и даже о нескольких стратегиях довольно сложно. Исходя из эмпирического материала, мы предложили шкалу социальных стратегий в отношении обретения/сохранения идентичности, в рамках которой действуют мигранты из стран Центральной Азии. Вслед за Дж. Берри мы обозначили «крайние точки» – стремление к полному сохранению прежней идентичности, отгораживание от принимающего сообщества с помощью более адаптированных к нему земляков, с одной стороны, и стремление к полному вхождению в принимающее сообщество, слиянию с ним, с другой. Однако сам процесс становления идентичности происходит *между* обозначенными пунктами, что мы и отразили в нашей схеме (таблица 1), дополнив ее промежуточными состояниями. При этом для подавляющего большинства представителей изучаемой группы вливание в принимающее сообщество не является целью. Ориентиром здесь представляется достижение общего понимания «определенности ситуации», а степень и направленность такого осознания задают положение на шкале идентичностей. Наибольшую осведомленность в плане «понимания ситуации» демонстрирует группа, обозначенная в работе термином «трансмигранты». Они выступают центром этнической или земляческой общины, связующим звеном между «точкой исхода» и «точкой прибытия», становясь реальными лидерами общины, «хозяевами», третейскими судьями.

Также следует отметить, что в интервью достаточно явно прослеживается тот факт, что речь здесь идет не столько о двойной идентичности, сколько о размытии прежней идентичности, на смену которой приходит идентификация не столько с принимающим сообществом, сколько с транслокальным пространством. Другой вопрос, что не только трансмигранты, но и гораздо менее адаптированные члены сообщества мигрантов вполне успешно имитируют картину адаптации, приемлемую для власти.

Безусловно, основополагающим мотивом для миграции выступает возможность повышения благосостояния, заработка. Достаточно долгое время этот мотив для исследуемой группы был ведущим и определяющим; сохраняется его значимость и сегодня. В то же время в последние годы все более актуальными становятся социальные и культурные мотивы. По мере того как нарастают сложности с логистикой и внешнее давление на экономику России, эти мотивы в ряде групп переходят в разряд базовых. Как правило, это относится к высококвалифицированным жителям крупных городов, столиц, где проникновение «русского» и «советского» был существенно выше, а сама русская культура и русский язык отождествлялись

с «городской культурой», противопоставляемой низкостатусной культуре кишлака. Постсоветский рост столиц новых государств Центральной Азии за счет сельского населения, десоветизация, так или иначе осуществляемая в этих государствах, воспринимаются представителями этой группы как удар по собственной идентичности, снижение статуса, препятствие в самореализации. Их миграция, как правило, ориентированная на вхождение в принимающее сообщество, диктуется попыткой обрести утраченный статус, реальные или воображаемые условия для самореализации. Это не особенно многочисленная, хотя уже реальная группа меньше зависима от внешних политических и экономических условий, более ориентирована не только на «понимание ситуации», но и на полноценное вхождение в новый мир.

При этом проблема идентичности мигрантов в России чаще всего осмыслялась в пространстве между двумя устойчивыми идентичностями («точкой исхода» и «точкой прибытия»). Сами же эти идентичности воспринимаются в качестве некоей статической данности. Они в представлении значительной части исследователей, да и не только исследователей, безусловно, есть; их можно обрести или не обрести; они обладают вполне фиксируемым списком признаков, по которым и ведется исследование. Причина подобного представления вполне очевидна и зафиксирована З. Бауманом: «“Идентичность” обязана вниманием, которое она к себе привлекает, и страстями, которые она порождает, тому, что она выступает суррогатом сообщества, естественного обиталища, которое более недоступно в быстро приватизируемом и индивидуализируемом, стремительно глобализирующемся мире» [Бауман 2005, с. 120].

Мы не готовы вслед за классиком объявить всякую идентичность суррогатом желаемого сообщества. Однако достаточно очевидно, что в нашем случае речь идет не только о сложной шкале идентичностей различных групп мигрантов, но и о становящихся идентичностях на границах шкалы. То, что советские республики – плод более или менее сознательного политического конструирования, писалось уже не раз [Каснэ 2008]. За постсоветские годы каждое новое политическое образование стремилось выстроить свою идентичность, причем сам процесс этот был отнюдь не линейный. Он менялся от попытки войти в число «цивилизованных стран» до обретения себя через отождествление с исчезнувшими империями прошлого. Сегодня этот процесс также далек от завершения. Тем более не завершен он в одном из наиболее удаленных регионов России – Дальнем Востоке, где за постсоветские годы сменились по крайней мере три различные региональные идентичности (или попытки их выстроить) [Бляхер 2014]. Вполне возможно, что входящий поток внесет в этот процесс новую струю, укрепит связь между жителями региона и самим регионом. Но то, что эти изменения уже происходят, а мигранты, адаптируясь к региону и идентифицируясь с ним, создают в регионе новые смыслы и формы социальных взаимодействий, компенсируют нехватку специалистов в отдельных отраслях и дефицит трудовых ресурсов в регионе, видно уже сегодня.

Список источников

- Бауман З. (2005) Идентичность в глобализующемся мире // Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос. С. 113–121.
- Бляхер Л.Е. (2014) Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа.

- Бляхер Л.Е. (2015) Этнизация и вторичная русификация пространства «имперских городов» (Случай Душанбе) // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. Т. 78. № 3. С. 75–90. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-78-3-75-90
- Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л. (2020) Стереотипы восприятия мигрантов из стран Центральной Азии как представителей культуры единого региона // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы науки и культуры*. Т. 26. № 2 (197). С. 176–184. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.2.042
- Гидденс Э. (2004) *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир.
- Григоричев К.В., Дятлов Д.В., Дятлов В.И. (2010) Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX–XXI вв. // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. № 4. С. 310–314 // <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsii-i-diaspory-v-sotsiokulturnom-ekonomicheskom-i-politicheskom-prostranstve-sibiri-xix-xxi-vv/viewer>, дата обращения 15.06.2023.
- Дятлов В.И. (2003) Трудовые миграции и процесс формирования диаспор в современной России // *Зайончковская Ж.А. (ред.) Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты*. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. С. 227–232.
- Капустина Е.Л. (2017) Между Севером и Землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // *Социологические исследования*. № 5. С. 26–34 // https://www.socis.isras.ru/files/File/2017/2017_5/Kapustina.pdf, дата обращения 15.06.2023.
- Каспэ С.И. (2008) Содружество варварских королевств: независимые государства в поисках империи // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. № 1. С. 17–26. DOI: 10.30570/2078-5089-2008-48-1-17-26
- Ковалевский А.В. (2023) «Невидимые» пространства и социальные группы городов востока России: на примере города Хабаровска (социологический анализ). Дисс. на соискание уч. степени кандидата социологических наук. Хабаровск.
- Ковалевский А.В., Бляхер Л.Е. (2020) Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. № 3. С. 120–127. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/120-127
- Мукомель В.И. (2017) Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // *Статистика и экономика*. № 6. С. 69–79. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79
- Мукомель В.И. (2019) Мифология идентичности // *Миф в истории, политике, культуре. Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции*. Севастополь. С. 312–323.
- Мукомель В.И. (2021) Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 9. № 4. С. 186–204. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8614
- Новикова Е.Ю. (2012) Социальная адаптация мигрантов в России // *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. № 6. С. 9–15 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-adaptatsiya-migrantov-v-rossii>, дата обращения 27.02.2023.
- Парк Р.Э., Томас У.А. (2011) Участие и социальная ассимиляция // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. № 3. С. 145–152 // <https://cyberleninka.ru/article/n/2011-03-017-park-r-e-tomas-u-a-uchastie-i-sotsialnaya-assimilyatsiya-perevod-park-r-e-thomas-w-i-participation-and-social-assimilation-source>, дата обращения 27.02.2023.
- Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. (2020) Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 6. С. 488–506. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1714
- Сердюков К.Н. (2022) Жизненные стратегии иностранных трудовых мигрантов (на материалах Приморского края). Дисс. на соиск. уч. степени кандидата соц. наук. Владивосток.

- Тимошкин Д.О. (2019) Доверие vs дезинформация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях // Экономическая социология. Т. 20. № 5. С. 53–73. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-5-53-73
- Шамне Н.Л. (2013) Культурно-языковая и социальная адаптация мигрантов // Власть. № 6. С. 44–47 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-yazykovaya-i-sotsialnaya-adaptatsiya-migrantov/viewer>, дата обращения 27.02.2023.
- Эриксон Э. (1996) Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс.
- Bennett M. (1986) A Developmental Approach to Training Intercultural Sensitivity // International Journal of Intercultural Relations, vol. 10, no 2, pp. 179–186. DOI: 10.1016/0147-1767(86)90005-2
- Berry J. (2017) Mutual Intercultural Relations, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bliakher L., Ivanova A. (2020) Flow Community, or Why Nobody Speaks “About Migrants” in the Khabarovsk Krai // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, vol. 13, no 5, pp. 639–649. DOI: 10.17516/1997-1370-0595
- Castels M. (2004) The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume II. The Power of Identity, Oxford, UK; Malden, Mass.: Blackwell Publishing.
- Pisarevskaya A., Levy N., Scholten P., Jansen J. (2020) Mapping Migration Studies: An Empirical Analysis of the Coming of Age of a Research Field // Migration Studies, vol. 8, no 3, pp. 455–481. DOI: 10.1093/migration/mnz031
- Schiller G.N., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992) Towards a Transnationalization of Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered // The Annals of the New York Academy of Sciences, no 645, pp. 1–24.

Finding “Home”: Differentiation Within Migration Flow as a Factor Determining Identity Formation in the Far East of Russia

---

L.E. BLIAKHER*, E.O. LEONTYEVA**

***Leonid E. Bliakher** – DSc in Philosophy, Professor, Head, Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation, leonid743342@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-9395>

****Elvira O. Leontyeva** – DSc in Sociology, Head, Higher School of International Studies and Diplomacy, Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation, elvira.leontyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-0667-5497>

Citation: Bliakher L.E., Leontyeva E.O. (2023) Finding “Home”: Differentiation Within Migration Flow as a Factor Determining Identity Formation in the Far East of Russia. *Mir Rossii*, vol. 32, no 4, pp. 71–95 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-71-95

Abstract

This article examines the issue of migration to Russia, breaking through the image of the ‘migrant-gastarbeiter’ formed in governmental and public discourse. To address this issue,

---

This work was supported by the Russian Science Foundation, grant № 22-28-00411, <https://rscf.ru/project/22-28-00411/>

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in May 2023.

the authors focus on the social identification of migrants from Central Asia to the Far East of Russia. The choice of the region for study is because the Far East of Russia itself was formed as a region of migrants. Therefore, rather than representatives of the host community (from various ideological positions), migrants or descendants of migrants are studying migration. This allows a border position to be achieved which enables one to see both the host community, composed of 'traces' of migration flows, and the migration flows arriving in the region today.

The choice of migrants originating from Central Asia is associated with the fact that this flow has only become relatively massive in recent decades. The processes of identity transformation (or lack thereof) for participants in this flow can almost be traced in real-time. Based on collected empirical data (informal interviews and observation in the cities of Khabarovsk, Vladivostok, and Birobidzhan), the article constructs a scale, defined by the desire to adapt as much as possible to the new space while retaining significant elements of ethnocultural identification associated with the point of departure.

The positions of different groups on this scale are identified. Factors determining the desire to enter the new community or retain the previous identity are revealed and analyzed, the role of the ethnic community in this process, the significance of the peculiarities of the 'point of departure' (capital city/rural settlement), and participation or non-participation in state resettlement programs, are described. The article also describes the core of the ethnic community, emphasizing the special significance of transmigrants in the community's activities, and analyzes the peculiarity of their social identification between the point of departure and arrival.

Keywords: migration, transmigrants, Central Asia, Russian Far East, social identification, identity transformation, "understanding of the situation", diaspora, host community

References

- Bauman Z. (2005) Identity in Globalizing World. *Bauman Z. The Individualized Society*, Moscow: Logos, pp. 113–121 (in Russian).
- Bennett M. (1986) A Developmental Approach to Training Intercultural Sensitivity. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 10, no 2, pp. 179–186. DOI: 10.1016/0147-1767(86)90005-2
- Berry J. (2017) *Mutual Intercultural Relations*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bliakher L.E. (2014) *The Art of Unmanaged Living. Far East*, Moscow: Europe (in Russian).
- Bliakher L.E. (2015) Etnization and Secondary Russification of "Imperial" Cities Space. Case of Dushanbe. *Politeia*, vol. 78, no 3, pp. 75–90 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2015-78-3-75-90
- Bliakher L., Ivanova A. (2020) Flow Community, or Why Nobody Speaks "About Migrants" in the Khabarovsk Krai. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 13, no 5, pp. 639–649. DOI: 10.17516/1997-1370-0595
- Britvina I.B., Mogilchak E.L. (2020) Stereotypes Regarding Central Asian Migrants' Perception as Representatives of the Single Region Culture. *Isvestia Ural Federal University Journal. Issues in Education, Science and Culture*, vol. 26, no 2 (197), pp. 176–184 (in Russian). DOI: 10.15826/izv1.2020.26.2.042
- Castels M. (2004) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Volume II. The Power of Identity, Oxford, UK; Malden, Mass.: Blackwell Publishing.
- Dyatlov V.I. (2003) Labor Migration and the Process of Diasporas Formation in Modern Russia. *Labor Migration in CIS: Social and Economic Effects* (ed. Zaionchkovskaya Zh.A.), Moscow: Institute of National Economic Forecasting RAS, pp. 227–232 (in Russian).

- Ericson E. (1996) *Identity: Youth and Crisis*, Moscow: Progress (in Russian).
- Giddens A. (2004) *Runaway World: How Globalization Reshaping Our Lives*, Moscow: All Would (in Russian).
- Grigirichev K.V., Dyatlov D.V., Dyatlov V.I. (2010) Migrations and Diasporas in the Socio-cultural, Economic and Political Space of Siberia, XIX–XXI Centuries. *Herald of Omsk University. Series Historical Studies*, no 4, pp. 310–314. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsii-i-diaspory-v-sotsiokulturnom-ekonomicheskom-i-politicheskom-prostranstve-sibiri-xix-xxi-vv/viewer>, accessed 15.06.2023 (in Russian).
- Kapustina E.L. (2017) Between the North and the Earth: The Road from Western Siberia to Dagestan as an Element of the Social Space of a Translocal Migrant. *Sociological Research*, no 5, pp. 26–34. Available at: https://www.socis.isras.ru/files/File/2017/2017_5/Kapustina.pdf, accessed 15.06.2023 (in Russian).
- Kaspe S.I. (2008) Commonwealth of Barbarian Kingdoms: Independent States in Search of Empire. *Politeia*, no 1, pp. 17–26 (in Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2008-48-1-17-26
- Kovalevskii A.V. (2023) “Invisible” Spaces and Social Groups in the Cities of Russia East: Of Khabarovsk Example (Sociological Analysis). PhD thesis on Sociology, Khabarovsk (in Russian).
- Kovalevskii A.V., Blyakher L.E. (2020) Far Eastern Migration: Peculiarities of the Interpretation. Example of Khabarovsk Territory Case. *Ojkumena. Regional Reseraches*, no 3, pp. 120–127 (in Russian). DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/120-127
- Mukomel V.I. (2017) Migrants at the Russian Labor Market: Occupations, Mobility, Intensity of Labor and Wages. *Statistics and Economics*, no 6, pp. 69–79 (in Russian). DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79
- Mukomel V.I. (2019) The Mythology of Identity. *Myth in History, Politics, Culture. Materials of the II International Interdisciplinary Conference*, Sevastopol, pp. 312–323 (in Russian).
- Mukomel V.I. (2021) Highly Skilled Migrants from Central Asian States at the Russian Labor Market. *The Journal Sociological Science and Social Practice*, vol. 9, no 4, pp. 186–204 (in Russian). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8614
- Novikova E.U. (2012) Social Adaptation of Migrants in Russia. *Vestnik of the Plehanov Russian University of Economics*, no 6, pp. 9–15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-adaptatsiya-migrantov-v-rossii>, accessed 27.02.2023 (in Russian).
- Park R.E., Thomas W.I. (2011) Participation and Social Assimilation. *Social and Humanitarian Sciences. Issue 11. Russian and Foreign Literature. Sociology*, no 3, pp. 145–152. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/2011-03-017-park-r-e-tomas-u-a-uchastie-i-sotsialnaya-assimilyatsiya-perevod-park-r-e-thomas-w-i-participation-and-social-assimilation-source>, accessed 27.02.2023 (in Russian).
- Pisarevskaya A., Levy N., Scholten P., Jansen J. (2020) Mapping Migration Studies: An Empirical Analysis of the Coming of Age of a Research Field. *Migration Studies*, vol. 8, no 3, pp. 455–481. DOI: 10.1093/migration/mnz031
- Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. (2020) Vulnerable Groups in Disasters: Solidarity and Trust in Government as the Basis for Migrant Strategies in Russia during the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 6, pp. 488–506 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1714
- Schiller G.N., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992) Towards a Transnationalization of Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered. *The Annals of the New York Academy of Sciences*, no 645, pp. 1–24.
- Serdukov K.N. (2022) *Life Strategies of Foreign Labor Migrants* (On the Materials of Primorsky Krai). PhD thesis on Sociology, Vladivostok (in Russian).
- Shamne N.L. (2013) Cultural, Social and Language Adaptation of Immigrants. *Vlast*, no 6, pp. 44–47. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/1788>, accessed 27.02.2023 (in Russian).
- Timoshkin D.O. (2019) Trust vs Disorientation: Economy of the Russian-Speaking “Migrant” Groups in Social Media. *Journal of Economic Sociology*, vol. 20, no 5, pp. 53–73 (in Russian). DOI: 10.17323/1726-3247-2019-5-53-73